

Е.В. Степаненко (Москва, Россия)

О лингвокультурологических особенностях перевода с македонского языка на русский

Аннотация: В статье анализируются способы передачи на русский язык македонских фразеологических единиц и культурологических лакун, обусловленных отсутствием определенных слов-реалий в русской культуре. При переводе данных пластов лексики, несущих фоновую, культурно значимую информацию, важное значение имеет семантико-прагматический аспект. Несовпадение культурно-языковых компетенций участников коммуникативного акта создает необходимость различного рода адаптаций в целях максимально адекватного восприятия читателем/зрителем переводного текста.

Ключевые слова: фоновая информация, текст перевода, исходный текст, переводческие трансформации, культурологически обусловленная лексика

E.V. Stepanenko (Moscow, Russia)

Linguacultural peculiarities of translation from Macedonian into Russian

Abstract: The article analyzes the ways of expressing into Russian Macedonian phrasal units and culturological lacunas existing due to the absence of certain realities along with words describing them in Russian culture. Semantic and pragmatic aspects are to be taken into consideration to translate the words and phrases reproducing the essential background, cultural information. Different cultural-language competence of interlocutors demands variable adaptations so that readers/viewers understand a translated text well.

Key words: background information, translated text, original text, translating difference, words and phrases containing cultural peculiarities

Исследуя национально-культурное содержание текста, целесообразно различать универсальные (общечеловеческие), региональные (общие для определенного множества национальных культур) и национально-специфические элементы. Иными словами, эти элементы могут быть общими для всех или для некоторых культур либо специфическими для той или иной культуры (индивидуальными). Данное деление соответствует структуре «фоновых знаний», принятой в отечественном страноведении. Для теории и практики перевода особое значение имеет

та часть фоновых знаний, которая обладает национально-культурной спецификой по отношению к сопоставляемой культуре и является общей для того или иного языкового коллектива.

Фоновую информацию содержат: слова-реалии (бытовые, этнографические, мифологические, реалии мира природы, государственно-административного устройства и общественной жизни), имена собственные, имена национальных, фольклорных и литературных героев, топонимы, названия культурных и общественных объектов и др. Данные лексические группы по традиции относят к так называемой безэквивалентной лексике. Безэквивалентность этой лексики определяется не абсолютно, а в отношении каждой конкретной пары языков и зависит от степени культурных контактов между языками.

В зависимости от той или иной концепции для обозначения данных пластов лексики – носителей национально-культурного своеобразия – применяется довольно широкая шкала терминологических дефиниций: культуроспецифичные слова, этнокультуремы (реалии, личные имена, обращения, экспрессивные выражения и др.), этнокультурная лексика (реалии, служащие для номинации этнотипичных для того или другого народа предметов и явлений материальной и духовной культуры; этноконнотативные слова), этнографизмы, элементы культурного кода (реалии), лингвострановедчески ценная лексика, культураносная лексика, лексика с культурным компонентом, культурно-ограниченные слова, экзотическая лексика и др. Ряд важных обобщений можно найти в огромной по объему и богатой по содержанию литературе, посвященной этнокультурной лексике по отношению к формам традиционной народной духовной культуры (работы Н.И. Толстого, С.М. Толстой, А.А. Плотниковой, И.А. Седаковой, Т.И. Вендиной и др.).

В теории и практике перевода в качестве обобщающего термина для культурно-специфических элементов содержания текста используется также термин «культурологически обусловленная лексика», классификация которой охватывает следующие группы лексики: 1) реалии; 2) фразеологические единицы; 3) стереотипы; 4) отклонения от литературной нормы, каламбуры, имена собственные, обращения, культурологические аллюзии [Денисова 1999: 62]. Тем самым подчеркивается, что именно эти элементы являются источником информации о культуре другого народа, его материальных и духовных ценностях, демонстрируют яркую связь с культурой языкового коллектива.

В данной статье мы рассмотрим некоторые лингвокультурологические особенности передачи с македонского языка на русский слов-реалий и фразеологических единиц. В качестве материала для исследования взяты произведения современного македонского драматурга Горана Стефановского и их переводы на русский язык: «*Диво месо*» (1979) – «*Дикое мясо*» (1987 г., перевод Рины Павловны Усиковой) и «*Лет во место*» (1982) – «*Полет на месте*» (1987 г., перевод Натальи Михайловны Вагаповой). «*Дикое мясо*» – социально-бытовая драма с историческим мотивом, действие которой развивается накануне Второй мировой войны, когда Македония входила в состав королевской Югославии. «*Полет на месте*» – историческая драма, посвященная борьбе македонских славян против османского ига.

Реалии как предметы материальной и духовной культуры наиболее показательно отражают различие культурных миров, нравы, обычаи, традиции и историю народа. Критерием введения в текст перевода данных культурных элементов является их функциональная роль в тексте в целом и в данном (широком и узком) контексте в частности. Степень активности реалии и ее функция в художествен-

ном произведении зависят также от типа текста, жанровых характеристик оригинала. Общее деление переводческих способов передачи слов-реалий классифицируется следующим образом: а) транскрипция; б) гипо-гиперонимический перевод; в) уподобление; г) перифрастический перевод; д) калькирование.

I. Переводческая транскрипция

Этот прием основан на фонетическом принципе (передача графическими средствами языка перевода фонетического облика языковой единицы исходного языка). Данный прием используется по отношению к культурным элементам, уже «освоившимся» в русской культуре (в том числе через переводы художественной литературы). Как известно, большое значение при переводе слов-реалий имеет прецедент, т. е. использование эквивалентов в литературе справочного характера (энциклопедиях, толковых, двуязычных македонско-русских словарях и пр.).

Заимствование путем транскрипции помогает сохранить национальный и исторический колорит оригинала. Македонский и русский – славянские, генетически родственные языки. Культурно-языковая близость наблюдается не только в плане лексики (наличие общей исконной славянской лексики), но и в фонетической и графической системах языков (кириллица). Этот факт дает бóльшую возможность приблизиться к оригинальной фонетической форме единиц исходного языка.

Прием транскрипции без сносок и комментариев зафиксирован при передаче некоторых турцизмов. Например, при передаче форм обращения, которые по своей культурной специфике близки к словам-реалиям: *ефенди* ‘эфенди, в Турции употребляющееся как обращение к кому-н., соответствующее русскому «господин»’ [ПМ:142]. В период господства Османской империи на Балканском полуострове большое влияние оказала восточная культура. В этом смысле под турцизмами с синхронической точки зрения понимаются как исконные турцизмы, так и турцизмы, восходящие к арабскому и персидскому источникам. Население Балканского полуострова не имело прямых контактов с носителями арабского и персидского языков. Данные лексические пласты проникали и интегрировались в балканские языки через турецкий.

II. Совмещение транскрипции и перифрастического (описательного, дескриптивного, экспликативного) перевода и генерализации

Данный прием можно продемонстрировать на фрагменте из исторической драмы «Полет на месте», где македонский драматург сам использует тот же прием и дает пояснения устаревшим культурным терминам, раскрывая их значения в самом тексте:

Михајло: <...> Ја сонував Султана. <...> Ослободете се, вели, од даноците. Што е тоа толку даноци? Емљак вергоси, данок на земја, за секоја тапија четири грошеви, за ослободување од војска, 39 грошеви, бајије, пара од секој грош за продаден добиток, зибије, три грошеви од заклан вол, кантарина за мерење жито, отлакија за пасење добиток... [ЛМ: 145].

Михаил: <...> Я мать во сне видел. <...> Освободитесь, говорит, от податей, разве можно столько платить: и «эмляк вергоси» – налог на землю, и за каждую бумажку на недвижимость по четыре гроша, и за освобождение от службы в армии – тридцать девять грошей – «байие», и монетка на каждый грош за проданную скотину – «зибийе», и три гроша с вола зарезанного, и подать на взвешивание зерна, и «отлакия» – за пастьбу скота... [ПМ: 186].

Турцизмы в македонском литературном языке как отголоски пятивекового османского ига представляют собой не единую лексическую группу и требуют дифференцированного подхода с точки зрения перевода. Оставляя в стороне турцизмы, относящиеся к абстрактной терминологии, важно различать:

1) *историзмы* (уходящие вслед за реалиями и не имеющие соответствий в современном македонском литературном языке);

2) *стилистические архаизмы* (получившие адекватную замену в виде новых названий, т. е. вытесненные их синонимами – лексемами активного употребления (*аскер* – *војник* ‘солдат’, *апсана* – *затвор* ‘тюрьма’);

3) *полностью адаптированные культурные элементы*, не имеющие синонимической замены в македонском литературном языке и являющиеся неотъемлемой частью лексического фонда (*шекер* ‘сахар’, *бакар* ‘медь’, *чорани* ‘носки, чулки’, *барут* ‘порох’, *чорба* ‘похлебка, суп’ и др.).

Слова-реалии *емлак вергоси* (*emlák vergisi* тур. ‘налог на недвижимое имущество’), *отлакија* (*otlakiye* тур. уст. ‘налог за право пользования пастбищем’) и др. – историзмы, устаревшие названия налогов, даней, податей и денежных сборов, ставшие архаизмами и включенные в структуру пьесы. Поэтому лексема *кантарина* (кантар ‘весы, безмен’ тур. *kantar*) – ‘плата за взвешивание товара’ – переводится здесь как ‘подать’. В тексте перевода данные элементы выполняют экспрессивную и информативную функцию, придают тексту исторический колорит и сохраняют национально-культурное своеобразие оригинала.

Рассматривая данный прием, важно отметить, что перегрузка текста описательным переводом ведет к расширению, громоздкости диалогических реплик. Реплика в драме должна обладать динамизмом, максимальной содержательностью и естественностью звучания. Обратимся к драме «Дикое мясо»:

Димитрија: Вари ручек.

Димитрий: Обед вари.

Марија: Готов е.

Мария: Сварено.

Димитрија: Ако е готов дај да јадам.

Димитрий: Тогда давай есть.

Марија: Немој да ми викаш. (Пауза).

Мария: Не кричи на меня. Завтра ведь праздник славы – день покровителя нашей семьи святого Ильи

Слава е утре [ДМ: 66].

[ДМ1: 66].

В приведенном фрагменте диалога речь идет о традиционном домашнем, семейном празднике *слава* (в честь патрона-покровителя дома, семьи, рода). Данный праздник представляет собой сложную форму культурного синкретизма, в которой переплелись две культурные модели – язычество и христианство. В русской культуре этого праздника нет. Некоторые исследователи полагают, что праздник *слава* связан с культом покойных предков и по своему происхождению восходит к героическому культу греков и культу римских богов – пенатов и лар – покровителей домашнего очага, семьи и дома. Другие исследователи в ритуальных действиях, совершаемых в период празднования (зажигание свечей, приготовление кутьи, поливание ее вином и др.), усматривают элементы культа мертвых или языческого культа плодородия (по содержанию здравиц и молитв с пожеланиями обильного урожая: *Нека је сита година да Бог да!* и др.) [см.: Српске славе 1988: 6].

Следует отметить, что этнокультурные традиции в составе других балканославянских культурных традиций имеют ряд особенностей и характеризуются использованием разных вариантов культурно-языковых форм, характерных для других культурных зон на Балканах. Культура здесь развивалась в тесной связи с культурой южнославянских и других балканских народов. Как свидетельствуют источники и этнолингвистические материалы, народный праздник *слава* распространен на территории Сербии, Черногории, Македонии, Боснии, Герцеговины, а также в некоторых районах Хорватии, граничащих с Боснией и Герцеговиной. Известен он под названиями: *слава*, *служба*, *крсно име*, *светац*, *свети*, *свечари*,

празник, благодан, крсна слава и др. В Македонии название *слава* характерно для жителей Скопской Черногории (Скопска Црна Гора), в то время как в Восточной и Южной Македонии преобладает название *служба*. «Славу» празднуют в честь того или иного святого (покровителя и защитника), и в зависимости от того, кто его почитает, различают несколько разновидностей обряда славы: индивидуальную (*Лична слава* или *дигање на панагија*); домашнюю, семейную, родовую (*Семејна слава*); общедеревенскую, которая празднуется всем селом (*Селска слава*); ремесленную, т. е. святого выбирала ремесленная (цеховая) корпорация – *еснаф* (*Еснафска слава*).

В проиллюстрированном выше фрагменте описывается домашний, семейный праздник *слава*. В тексте перевода необходимо было передать не только культурологическую аллюзию, связанную с этим праздником, но и воспроизвести целый обрядовый комплекс, его акциональную сторону. Переводчик, ориентируясь на принимающую культуру и на функциональные особенности драмы, обращается к широкому контексту пьесы – к описанию целого обрядового комплекса и имени святого, почитаемого данной семьей (*св. Ильи*). И находит успешное решение – частично меняет конструкцию диалогической реплики и, используя прием переводческой транскрипции с последующим пояснением в самом тексте (перифразой), отказывается таким образом от подстрочного комментария. Фоновая информация перемещается в открытый текст, эксплицируется. Речь звучит естественно, хотя несколько меняется модальность и интонация высказывания, ослабляется характерная черта драматургии Г. Стефановского (краткость реплик, склонность к эллипсису, словам-предложениям, живой разговорно-фамильярной речевой тональности), однако смысл и национальный колорит сохраняются. В дальнейшем переводчик обозначает данную реалию как *праздник* (переводит гиперонимом, используя прием генерализации) или контекстуально (*слави слава* ‘предков прославлять’):

Стево: <...> Знаев дека е слава. Не можев да одбијам. Важно е. За мене е важно (ДМ, с. 70).

Марија: Не смееме вака. Слава е.

Димитрија: Каква слава бе, ебати слава. Со кого да славиш слава. (Чита. Пауза.)
Свети Илија прости ми и сам гледаш со што цган живеам [ДМ: 68].

Стево: <...> Знаю, что дома праздник. Но никак не мог. Это очень важно для меня (ДМ1, с. 72.).

Мария: Перестаньте. Праздник ведь.

Димитрий: Какой, к черту, праздник. С кем праздновать, с кем предков прославлять? (Берет в руки газету.) Святой Илья, прости мне, сам видишь, с какими вырожденками жить приходится [ДМ1: 69].

Отметим, что генерализацию бытовой реалии *слава* на ‘праздник’, ‘праздники’ демонстрируют русские переводы сербской прозы. В частности, перевод И. Дорбы названия повести известного сербского реалиста-классика XIX в. С. Сремаца «Ивкова слава» (о стегальщике одеял Ивко из Ниша, отмечавшего славу). Название повести переводится как «Праздники» (издание 1974 г.), «Праздник» (издание 1986 г.). В самом же тексте, где название праздника функционально активно и является важным компонентом национально-культурного содержания текста, *слава* транскрибируется и поясняется в комментарии: ‘Слава – название праздника величания святого патрона семьи и рода у православных сербов’ [Сремац 1986: 15].

В драме «Полет на месте» переводчик прибегает к приему культурной адаптации (участником диалога является серб, и *крсна слава* переводится как ‘именины’). Переводчик демонстрирует целенаправленную прагматическую установку.

Следует отметить, что в македонской традиции индивидуальная (*лична слава*) может означать:

1) когда лицо дает обет (*заветување*) или зарок (*зарекнување*) почитать святого, если его просьба в случае болезни, бездетности и других несчастий будет исполнена;

2) празднование именин (в память одноименного святого: *именден* или *име*).

Остойќ: Ми ги запалија книгите. Кој ги запали книгите? И тоа е денес. Денес ми е крсна слава. Намерно денес.

Киро: Не знам јас ништо.

Остойќ: Ти не знаеш како се викаш! (Седнува) Пиев. (Пауза) Џабе пиев. Ни малку да ми се замагли пред очите. (Пауза. На Киро.) Ти не знаеш јас што мислам.. [ЛМ: 136].

Остойч: Книги мои сожгли. Как нарочно. Кто мог поджечь? У меня сегодня именины. Это неспроста.

Киро: Я ничего не знаю.

Остойч: Спроси, как тебя зовут, ты и того не знаешь! (*Садится*.) Я много выпил. А все зря. Не берет меня хмель. (*Пауза. Киро*.) Ты не знаешь, о чем я думаю... [ПМ: 177].

Интерес представляют ритуальные предметы, зафиксированные в драме «Дикое мясо» в связи с семейным обрядом *слава*. В комплекс подготовок к празднованию «славы» обычно входила выпечка хлебов, приготовление кутьи, свечей и различных кушаний, приглашение гостей, родственников, друзей. Главную часть церемонии обряда (мак. *кревање на лебот, колачот*; серб. *дизање у славу* ‘поднятие во славу’; *окретање колáча* ‘вращение хлеба’) чаще всего исполнял поп, священник, приглашаемый в дом в первый день празднования. Поп освещал хлеб, кутью, вино, обрядовый хлеб вращали, надрезали, поливали вином, ломали, проносили пожелания благополучия дому, счастья, обильного урожая и т. п.

Обратимся к тексту драмы «Дикое мясо», где предприимчивый поп проводит обряд в ускоренном темпе:

Марија: Не сме готови.

Попот: Што треба да е готово. Колачот го имате?

Марија: Не сме изменини. Променети.

Димитрија: Рековме во седум.

Попот: Рековме.

Димитрија: Сега е три.

<...> Попот: Абе, газда Димитрија, влеси ми во положение.

Димитрија: Ти влегувам попе, ама влеси ми и ти мене. Секогаш вака ни правиш. Кај богатите секогаш одиш навечер, кај нас сабајлечки [ДМ: 72].

Мария: Мы еще не готовы.

Поп: А что должно быть готово? Пирог испекли?

Мария: Вымыться не успели, придется.

Димитрий: Мы же просили в семь.

Поп: Просили.

Димитрий: Сейчас три.

<...> Поп: Войди в мое положение.

Димитрий: Понимаю, батюшка, но и ты в мое войди. Каждый раз так: к богатым приходишь вечером, а к беднякам с утра [ДМ1: 73].

Как известно, обрядовая пища отличается традиционной символикой. Специально испеченный сакральный хлеб-пирог, выполняющий ключевую ритуальную функцию в празднике *слава*, в разных регионах имеет свои названия (*славски колач, крсни колач, крсница* и др.). В Македонии он носит название *колач* (символ жизни, достатка, плодородия, материального благополучия). Народные традиции, связанные с обрядовыми хлебами, как реликты язычества известны в других культурах (свадебный каравай, традиционный пасхальный символ ‘кулич’ или ‘пасха’ у восточных славян, русские блины на масленицу, на поминках и др.). Круглая форма македонского (сербского) хлеба-*колача* и обрядовое действие, связанное с его вращением по солнцу (слева направо), имеет ритуальную символику (символ солнца, культ солнца). По своему происхождению все значения лексемы *колач*

являются конкретными реализациями более общего древнего значения праслав. *kolašь ‘предмет, напоминающий по форме *kolo*, колесо’ [Трубачев 1966: 255]. Ср.: болг. *колач*, серб. *колач*, рус. *колáчь*, *калáчь* ‘белый, пшеничный хлеб вообще; пшеничный сгибень с дужкою, из жидкого теста’ как производные от общеславянского *коло* ‘круг’.

Что же касается рус. *кулич*, то в русскую культуру данное слово пришло из греческого, попав в него благодаря своему обрядовому характеру, и уже из греческого языка фонетически видоизмененный общеславянский термин, адаптированный христианской церковью в связи с пасхальным культом, пришел в русский язык и утвердился как семантический и фонетический дублет по отношению к старому общеславянскому слову *колачь*, который обладает своим собственным кругом значений [Десницкая 1984: 335].

В македонском языке за словом *колач* закрепилось несколько значений: 1) ‘пирожное’ (*колаче*); 2) ‘домашнее печенье’; 3) ‘сладкий пирог’; 4) *обредни леб* ‘обрядовый, праздничный круглый хлеб с украшениями из теста сверху’ (серб. *славски колач*). Таким образом, в проиллюстрированном выше фрагменте переводчик функционально адекватно использует прием генерализации. Из контекста понятно, что имеется в виду обрядовый хлеб, который пекли на семейный праздник, описанный в драме.

Рассмотрение фразеологического материала для демонстрации фактов культуры в македонских пьесах и их переводах на русский язык представляет отдельный интерес. Язык драмы – афористичен, тесно связан с культурой народа, отражает его мировоззрение, традиции, стереотипы. Склонность драмы к лаконичности, броским, идиоматичным высказываниям не раз отмечалась исследователями. Одна из причин – увеличение объема информации через фразеологические единицы (ФЕ) по сравнению со словом. Этому способствуют такие свойства ФЕ, как смысловая емкость, точность, фигуральность, обобщенно-иносказательный смысл, а также эмоционально-экспрессивная окрашенность, передающая дополнительную информацию отношения говорящего к высказыванию.

Как показал анализ, при передаче фразеологизмов переводчики в основном используют прием фразеологического перевода. В драме «Дикое мясо» зафиксирован интересный прием, когда переводчик находит более экспрессивное, образное устойчивое выражение по сравнению с исходным македонским выражением *немате ред во главите* (букв. ‘у вас нет порядка в головах, не все в порядке в голове’, бестолковые) – без царя в голове. Ср.: царь в голове у *кого* или с царем в голове (или со своим царем) в голове – умен; *противоп.* без царя в голове (разг.).

Димитрија: Да знаев какви ќе излезете ќе ве издркав во чаша. Ебави младоста. Сè ќе запустите. Не признавате ни гавол ни бог. Немате ред ни во главите, ни во телата. Сè на своја рака, со првиот ветер, како муви без глава. Мислите сè што лета се јаде. Европа ве бара! ù се прди на Европа за вас. Воздивнувате по Германија! А таткото што ги изгубил нозете за вам да ви направи кука е помија што не знае два и два и им пречи на Европјаните да прават кариера... [ДМ: 104-105].

Димитрий: Знал бы, что из вас получится, в купели бы утопил, без всякой жалости. Губители, ни бога, ни дьявола не признаете. Без царя в голове. Все по-своему, все куда ветер подует, мухи безмозглые! Думаете, все, что летает, есть можно? Европа их зовет! Плевать ей на вас. По Германии вздыхаете! Отец, чтобы вам дом построить, ног лишился, а по-вашему, он – тьфу, не знает дважды два, мешает европейцам карьеру делать... [ДМ1: 106].

В приведенном фрагменте Димитрий узнает, что он со всей семьей должен переселиться в другое место, а его дом господин Клаус предлагает купить «за

хорошую цену». Как мы видим, в тексте перевода опускается, что нет порядка не только в головах, но и в теле. Поскольку текст перевода предназначен для восприятия русскоязычной аудиторией и драму отличает яркая выразительность, решение переводчика использовать фразеологический аналог удачно, и русский фразеологизм передает смысл фрагмента.

В отдельных случаях переводчики прибегают к лексическим соответствиям или описательному переводу. Обычно данный прием используется, когда в переводящем языке нет соответствующего устойчивого сочетания или когда оно есть, но его коннотативные характеристики отличаются от исходного фразеологизма. Приведем примеры из драмы «Полет на месте»:

Султана: <...> Едно време беше учителче. Султана: <...> Раньше ты был учительшкой.
Сега си станал голема сверка. А теперь заделался <u>важным человеком</u> .
Киро: Помагам во укуматот со катастарот. Киро: Помогаю в управе описи составлять.
Султана: Катастарот? Си палел и жарел. Си Султана: Описи составляешь? <u>А говорят, ты</u>
го викал син ми Евто на сослушувања [ЛМ: 85]. <u>жизни никому не даешь</u> . Сына моего вызвал на допрос [ПМ: 129].

В проиллюстрированном фрагменте речь идет о Киро, бывшем учителе, который стал служить туркам. Понятие, выраженное в оригинале фразеологизмом, т. е. лексикализированным сочетанием, стремящимся стать одним словом, одной лексемой, передается свободным словосочетанием. По своей семантике, экспрессивной и стилистической окраске фразеологизм *голема (крупна) сверка* ‘крупный зверь’ соответствует русской ФЕ ‘важная птица, *шишка*, влиятельный человек’. Существует ФЕ с противоположным значением: мак. *мала (ситна) сверка* ‘мелкая зверушка’, *ситна риба* ‘мелкая рыба’ – рус. ‘*мелкая сошка*’. Русский фразеологизм *важная птица* передает смысл македонского фразеологизма, а также его стилистические и экспрессивные оттенки.

При передаче македонского фразеологизма *жари и пали* (или *тој пали и жари; тој жари, тој пали*) букв. ‘он обжигает и зажигает’ используется прием описательного перевода, который сводится к толкованию фразеологизма и хотя бы к частичной передаче экспрессии, стилистической окраски (*А говорят, ты жизни никому не даешь*). Русскими фразеологическими аналогами могут быть ‘как хочю, так и ворочу’, ‘он казнит и милует’, ‘царь и бог’ (о самовластном человеке, в зависимости от контекста). Ср.: мак. *тој коле, тој беси* ‘он и царь, он и бог’.

Лексическим способом передается в драме «Полет на месте» македонское фразеологическое выражение *оро ќе играш* букв. ‘будешь танцевать *оро*’:

Михајло: <...> Тие фрески се измени со неговата крв. Не можам во нив да чепкам. Михаил: <...> На этих фресках его (<i>отца</i> . – Е.С.) кровь. Не могу я на них руку поднимать.
Евто: Ќе чепкаш и <u>оро ќе играш</u> . Не се живее од воздух. Денот треба да се купи [ЛМ: 102]. Евтихий: Поднимешь! <u>Еще как поднимешь да попляшешь</u> . Не воздухом люди живы. Хлеб свой насущный днесь покупать надо [ПМ: 146].

В приведенном фрагменте Евтихий заставляет своего брата Михаила оштукатурить стены монастыря, подчиниться приказу турецких властей. Македонский фразеологизм в своем составе имеет культурологически маркированный компонент *оро* (македонский народный танец в хороводе) и может соответствовать по своему значению русскому фразеологизму *плясать под дудку* (подчиняться кому-н., действовать по чьему-н. внушению).

Рассмотренная македонская лексика и фразеология – часть национальной культуры, результат ее исторического развития, коллективная память народа, ключ к пониманию его уклада, образа жизни, традиций, культурных ценностей. Именно

данный культурно-этнический фонд, закреплённый в лексике языкового коллектива, создаёт культурную дистанцию между оригиналом и переводом, преодолеваемую переводчиком. При передаче на русский язык переводчики используют гибкую систему приёмов и трансформаций. Анализ демонстрирует важность коммуникативно-прагматической специфики типа текста и подтверждает фундаментальные культурно-исторические тезисы как о самобытности каждой национальной культуры, так и о традиционной близости славянских языков и культур.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.

Вражиновски Т. Речник на народната митологија на Македонците. Скопје: Матица македонска, 2000. 420 с.

Денисова Г.В. Культурологически обусловленная лексика: возможности и пределы переводимости. М.: МАЛПИ, 1999. 153 с.

Десницкая А.В. К изучению балканской лексики // Сравнительное языкознание и история языков. Л.: Наука, 1984. С. 287–295.

Мургоски З. Толковен речник на современиот македонски јазик. Скопје: Filološki fakultet Blaže Koneski, 2011. 1498 с.

Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М.: Наука, 1966. 416 с.

Српске славе: Народни обичаји и веровања: народне песме и здравице; славска јела и пића. Београд: Литера, 1988. 215 с.

Этнолингвистический словарь славянских древностей: Проект словника. Предварительные материалы. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1984. 172 с.

Сремац С. Празник. Поп Чира и поп Свира. Вукадин. Зона Замфирова / Пер. с сербско-хорв. И. Дорбы. М.: Худож. лит., 1986. 701 с.

Sremac S. Ivkova slava // S. Sremac. Ivkova slava. Zona Zamfirova. Zagreb: Zora, 1955. S. 7–123.

Стефановски Г. Диво месо. Скопје: Мисла, 1981. С. 61–125.

Стефановский Г. Дикое мясо / Пер. с макед. Р. Усиковой // Стефановский Г. «Полет на месте» и другие пьесы: Сборник. М.: Радуга, 1987. С. 65–122/

Стефановски Г. Лет во место // Одбрани драми. Скопје: Мисла, 1987. С. 73–148.

Стефановский Г. Полет на месте / Пер. с макед. Н. Вагаповой // Стефановский Г. «Полет на месте» и другие пьесы: Сборник. М.: Радуга, 1987. С. 123–189.

REFERENCES

Вражиновски Т. Речник на народната митологија на Македонците. Скопје. Матица македонска. 2000. 420 с.

Мургоски З. Толковен речник на современиот македонски јазик. Скопје. Filološki fakultet Blaže Koneski. 2011. 1498 с.

Српске славе. Народни обичаји и веровања: народне песме и здравице; славска јела и пића. Београд. Литера. 1988. 215 с.

Стефановски Г. (1981) Диво месо. Скопје. Мисла. С. 61–125.

Стефановски Г. Лет во место. In: Одбрани драми. Скопје. Мисла. 1987. С. 73–148.

Denisova G.V. (1999) The Words and Phrases Containing Cultural Peculiarities: Possibilities and Limits of Translatability. Moscow. MALP Publ. 153 p.

Desnizkaya A.V. To the Problems of Studying the Balkan Vocabulary. In: Comparative Linguistics and the History of Languages. Leningrad. Nauka Publ. 1984, pp. 287–295.

Ethnolinguistic Dictionary of Slavic Antiquities: Draft Dictionary. Preliminary Materials. Moscow. Institut Slavyanovedeniya i Balkanistiki Press. 1984. 172 p.

Sremac S. (1986) Holiday. Pop Chira and Pop Svira. Vukadin. Zona Zamfirova / Transl. from Serbo-Croatian by I. Dorba. Moscow. Hudozh. Lit. Publ. 701 p.

Sremac S. Ivkova slava // S. Sremac. Ivkova slava. Zona Zamfirova. Zagreb. Zora. 1955, s. 7–123.

Stefanovsky G. Proud Flesh / Trans. from Macedonian by R. Usikova. In: G. Stefanovsky. “Flight on the Spot” and Other Plays: The Collection. Moscow. Raduga Publ. 1987, pp. 65–122.

Stefanovsky G. Flight on the Spot / Transl. from Macedonian by N. Vagapova. In: Stefanovsky G. “Flight on the Spot” and Other Plays: The Collection. Moscow. Raduga Publ. 1987, pp. 123–189.

Trubachov O.N. (1966) Craft Terminology in Slavic Languages (Etymology and Experience of Group Reconstruction). Moscow. Nauka Publ. 416 p.

Vinogradov V.S. (2001) Introduction to Translation Studies (General and Lexical Problems). Moscow. Izdatelstvo Instituta Obshchego Srednego Obrazovaniya RAO Publ. 224 p.

Сведения об авторе:

Елена Владимировна Степаненко,
канд. филол. наук
кафедра германских языков
Военный университет

Elena. V. Stepanenko,
PhD
Department of Germanic languages
Military University

els_philology@mail.ru